

Тринадцатый год правления Великой Цзянь был нелегким годом, это был год, вписанный в книги истории кровью.

С зимы прошлого года два самых сельскохозяйственных региона империи, Сянхуай и Цзяннань, страдали от стихийных бедствий. В одном из них за всю зиму не выпало ни капли снега или дождя. Русло реки отклонилось на много метров, а в некоторых районах вода вообще перестала поступать. Цзяннань превратился в бесплодную пустыню, на земле появились метровые трещины. Голодные трупы усеивали землю, а девять из десяти домов были пусты. Правитель, направив прошение в императорский двор, по непонятным причинам повесился в своем доме.

В то же время Сянхуай страдал от сильных наводнений. Более десяти городов были смыты наводнениями. Беженцы, пострадавшие от стихии, были повсюду, они неустанно спасались бегством. 7-8 человек из 10 погибали по дороге. Молодых девушек из обездоленных семей можно было купить и увезти за чашку риса. Здоровых мальчиков можно было купить за три чашки риса, и все равно люди выстраивались в очередь, чтобы продать своих детей.

И хотя дождей в имперской столице Пинъян не было уже несколько месяцев, небо все еще было пасмурным, как будто на голову всем надели мешок и душили до тех пор, пока не появилась отдышка. Некоторые старики говорили, что если бы кто-нибудь вышел ночью на улицу и посмотрел вверх, то понял бы, что там не облака, а бесчисленные мстительные призраки, стекающиеся в столицу со всех сторон, чтобы найти императора и высказать ему свои претензии.

Пока бедствия продолжались, в Сянбэе подняли восстание возчик и крестьянин. Пока войска, отправленные на их подавление, были еще в пути, на призыв к восстанию уже откликнулось бесчисленное множество крестьян, которые больше не могли обеспечить себе пропитание. Этот континент, на котором слишком долго царил покойствие, вот-вот должен был погрузиться в новую эпоху бесконечных и непрекращающихся сражений.

Конечно, все это не имело никакого отношения к Ши Удуаню, который был заперт на горе где-то в Шучжуне.

Птица Куйбин, которую он послал доставить почту, пока не вернулась, но, несмотря на это он ничуть не волновался. Он решил, что, как и ожидалось, у этой большой тупой птицы пустой мозг и маленькая голова, и она годится только для того, чтобы выращивать подкожный жир. Она даже не могла летать так быстро, как культиватор-изгой Цзянь Хуа.

Поначалу Цзянь Хуа опасался, что если держать ребенка в горах, то он может закатить истерику, но кто бы мог подумать, что, понаблюдав за ним некоторое время, он обнаружит, что Ши Удуаню от природы... чего-то не хватает.

Если верить истории, когда этот ребенок был еще в пеленках, только-только научившись сидеть, взрослые выхватывали у него из рук игрушки, он совершенно не плакал. Любой другой ребенок наверняка заплакал бы, но этот малыш лишь моргал своими черными глазками, озирался по сторонам и издавал звук «Яа», чтобы показать, что он хочет вернуть игрушку. Если бы ее вернули, он бы продолжил играть. Если нет, он просто добродушно плыл по течению и переключал свое внимание на другую игрушку.

По-видимому, ученику мастера секты, мастеру Банья, захотелось провести эксперимент, отобрав у ребенка все игрушки, чтобы посмотреть, заплачет ли он. Но случилось так, что маленький ребенок смотрел на него в полном недоумении, словно не понимая, что делает

взрослый бородатый человек с охапкой игрушек, похожих на погремушки. После некоторого замешательства он просто вернулся к своим собственным развлечениям, обняв ногу и посасывая пальцы на ноге - ну теперь-то уж точно никто не отнимет, а?

В мире было много людей, которых не волновали ни честь, ни позор, которые могли смотреть, как перед ними рушится гора Тай. Но большинство из них были мудрыми людьми, прошедшими через все жизненные испытания и пережившие все радости и горести, взлеты и падения. Ши Удуань отличался тем, что это была просто его природа. Ему не только не хватало пары мозговых клеток, но он также вполне неплохо умел утешать себя.

Покинуть гору Цзюлу, на которой он прожил десять лет? Нет проблем, выйти порезвиться - тоже неплохо, не из-за чего волноваться. Быть заточенным на горе и не иметь возможности покинуть ее? Нет проблем, в любом случае есть еда и питье, не из-за чего волноваться. Птица-посыльный, улетела далеко и до сих пор не вернулась? Нет проблем, он простит ее, ведь она была выращена его шифу, тоже ничего страшного.

Когда погода стала теплеть, в комнате Ши Удуаня было прохладно, почему, спросите вы?

Когда Хэ Тун зашел посмотреть, он так разозлился, что у него чуть дым из ушей не пошел.

Ши Удуань свесил с крыши веревку с круглой корзиной на конце. К корзине был привязан большой веер, и когда духи-кролики в корзине бегали туда-сюда, корзина вращалась, и веер создавал ветерок. Несмотря на то, что он был довольно свеж, кролики почти довели себя до обморока.

Толстые кролики побежали к Цзян Хуа жаловаться, а когда тот последовал за Хэ Туном, чтобы взглянуть, то обнаружил, что корзина больше, чем кажется. Внутри нее находился миниатюрный массив замкнутого круга, и глупые кролики, очевидно, заблудились в нем, они могли только бежать, но не могли выбраться.

Цзян Хуа наконец-то понял, что если он хоть на секунду отвлечется от Ши Удуаня, то тот сможет подстроить неприятности. Он не знал, был ли это новый способ спровоцировать его отпустить его, или он действительно невинно и наивно развлекался.

Массив «Шесть кругов жизни» на тот день был неразрешимым массивом. Если бы хозяин массива не разрешил выйти, разве смог бы кто-нибудь на земле рассчитать стремительные, бесчисленные изменения звездной механики небес и узнать траектории всех звезд? И при каждом изменении курса звезды массивный бамбуковый лес менял свою форму, его внешний вид постоянно менялся. Нужно было лишь немного разбираться в астральных расчетах, чтобы понять, какое это было грандиозное дело, да еще и увеличивающееся в геометрической прогрессии.

Жизнь смертного длилась всего несколько десятилетий, и этого времени не хватало даже на то, чтобы сосчитать удвоенные на шахматной доске рисовые зёрна, кто же сможет закончить такие расчёты?

Цзян Хуа, видя, что он чрезвычайно одарен, планировал использовать древний массив, чтобы немного раззадорить его. Даже в мечтах он не думал, что действительно сможет сломать живой массив. Он думал, что когда тот немного подрастет и его характер станет спокойным, он возьмет его с собой в путешествие, только.....

В то время, когда во внешнем мире проходила тысяча лет, в горах не существовало ни ночи, ни дня. К тому времени, когда он уедет, возможно, все на горе Цзюлу уже будет совершенно

другим.

Спустя почти полгода птица Куйбин все-таки вернулась. Она была покрыта новым слоем переливающихся перьев и больше не выглядела, как лысая курица, приготовленная к жарке.

Хотя, на самом деле, она не так уж и долго медлила. Дело было в том, что гора Цзюлу находилась довольно далеко, и хотя он и назывался «божественным воробьем», но не обладал ни малейшей магической силой. Когда он улетал, его подстегивал огонь. Когда он летел к пещере Огненного Лотоса, то летел так, что его чуть не вырвало кровью, и был слишком измучен, чтобы испугаться Бай Ли. Он пролежал в пещере много дней, а потом, пошатываясь, вернулся в мир живых. В обратный путь он летел медленнее.

Возможно, это было связано с Ши Удуанем, но Бай Ли был даже немного вежлив с этой толстой птицей, прилетевшей из ниоткуда. Поскольку ему нечем было заняться, он некоторое время кормил ее, писал ответ и отправлял обратно.

С того дня Бай Цзыи больше не появлялась одна перед Бай Ли. Эта пара «мать и сын» и раньше была шокирующе далека друг от друга, но никогда они не отдалялись так явно.

Всякий раз, когда маленькие яо входили в пещеру Огненного Лотоса, они делали это с затаенным дыханием и опущенными глазами, боясь оказаться втянутыми в их противостояние.

Отношение Бай Ли становилось все более невозмутимым, и он, словно подыгрывая Бай Цзыи, стал затаиваться внутри и редко выходил.

Иногда он не понимал, что именно он сделал такого, что все живые существа в долине Кангюнь так его боялись. Даже его предполагаемая родная мать иногда бросала на него косые взгляды с выражением настороженности. Столько лет он терпел это, делая вид, что ничего не замечает.

«Неужели я действительно такой злой и коварный?»

Бай Ли когда-то долгое время терзался этим вопросом, однако по натуре он не был печальным и обычно был полностью сосредоточен на культивации. С самого рождения и до этого момента, хотя он и пережил несколько неудач, он никогда не причинял ничего ужасного, так почему же они так боялись его?

Даже у обычных малых яо и мелких зверей были свои дома, родители, братья и сестры, на которых можно было положиться. Кроме него. С самого начала его воспоминаний Бай Цзыи, эта названная мать, никогда не обнимала его. Даже до того, как он обрел человеческую форму, он все еще был похож на человека, а на его голове красовалась пара лисьих ушей.

Она была настолько черствой, что не хотела даже иногда погладить его по голове. Если он ошибался, она заставляла себя сохранять приятное выражение лица, осторожно наставляя его.

За плохие намерения его никто не ругал, а за хорошие... в общем, никому это было не нужно.

Бай Ли чувствовал, что эти несколько сотен лет он всегда жил как изгой. Все были осторожны с ним - кроме Ши Удуаня.

Представители расы божественных лис каждые пятьсот лет переживали малое небесное бедствие, а каждые тысячу лет - великое небесное бедствие. Он уже однажды пережил малое небесное бедствие, но Бай Ли и представить себе не мог, что великое небесное бедствие будет

таким безжалостным - он был всего лишь маленьким зверьком, который никогда не покидал горы и не был запятнан кармой, добром и злом. Небеса были справедливы, а бедствия были лишь испытаниями, но кто бы мог подумать, что когда дело дойдет до него, молнии будут следовать одна за другой, как будто они действительно намеревались рассеять его три души и семь духов.

Бай Ли вдруг почувствовал прилив отчаяния. Когда другие боялись его, он мог утешить себя мыслью, что «возможно, у них были свои причины», и на этом все заканчивалось, но теперь даже небеса отвергли его существование?

Он порылся в своей душе и понял, что никогда не совершал никаких преступлений против Небес или каких-либо злодеяний. Если только цикл кармы, причины и следствия не были ложью? Поскольку он, Бай Ли, уже родился на свет, какое право имела карма велеть ему умереть без причины? Как только эта мысль промелькнула в голове, небесное бедствие отбросило больше половины его культивации. В его сердце зародилось злобное намерение. Тысяча лет культивации уже была готова превратиться в факел, как вдруг вдалеке раздался голос:

«Ай, почему в такой хороший день вдруг сверкнула молния. Старая корова, нам лучше найти место, где можно укрыться, похоже, скоро пойдет дождь».

Человек!

Небесные бедствия обходили людей стороной, но обычно, когда яо терпели бедствия, они не желали искать защиты у людей, иначе за ними тянулся довольно большой кармический долг, который мог затормозить их культивацию, если бы он не был погашен.

Но на этот раз у Бай Ли не было другого выбора, кроме как бежать к человеку, иначе, если забыть о карме, если его три души и семь духов будут рассеяны бедствием, он даже не сможет войти в цикл реинкарнации.

В то время Ши Удуань только что проснулся от росы Чаши Зефира и тайком вывел Цинцю на прогулку в долину Кангюнь. Тогда он впервые встретил Бай Ли. Культивирование Бай Ли получило значительный урон, его лисьи уши были открыты, а его внешность естественным образом вернулась к внешности маленького ребенка, как будто ему вернули его первоначальную форму. Его волосы были взъерошены, а сам он выглядел довольно жалко. Когда Ши Удуань увидел его, он поразился, и первое, что он сказал:

«Айя, откуда взялась эта маленькая красавица?».

Затем он увидел уши, которые Бай Ли прятал на голове, снова посмотрел на сверкающий гром снаружи и шлепнул взбешенную корову, которая начала вести себя враждебно, сказав:

«Не суетись, даже если ты постигнешь дао и станешь человеком, ты все равно будешь выглядеть как толстая скотина. Она из расы лисиц, даже если ты завидуешь, это бесполезно - младшая сестра, не бойся, почему бы тебе не подойти? Корова моей семьи толстокожая и крепкая, она сможет защитить тебя на некоторое время».

Бай Ли на всю жизнь запомнил, как Ши Удуань с болезненным видом достал из кармана халата платок:

«Вот, вытри с волос дождь».

Эта манера, в которой не было и тени злобы, эта улыбка, освещавшая все его лицо.

Бай Ли был ошеломлен некоторое время, прежде чем принял платок, и нерешительно пробормотал: «Я отплачу тебе за это».

«Хорошо, тогда ты можешь стать моей женой».

Только тогда, впервые в жизни, у него появился кто-то, кто не боялся его, кто-то, кто был готов с ним разговаривать.

Ши Удуань посмотрел на птицу Куйбин, которая высоко подняла лапку, и с радостью достал посылку, которую ему прислал Бай Ли. Внутри оказалось простое ответное письмо и металлический стержень длиной с ладонь. Он выглядел черным, как будто это был какой-то хлам, оставшийся после строительства дома.

Однако Ши Удуань весело убрал маленький стержень в складки своего халата, а затем погладил птицу Куйбин по голове и сказал:

«Скоро мы сможем вернуться домой».

Той же ночью он привел птицу Куйбин, чтобы она снова предстала перед Массивом Шести Кругов. На этот раз птица не хотела успокаиваться, стыдливо пряталась в его руках, отказываясь смотреть на головокружительный звездный массив.

Ши Удуань достал астролябию, нажал на обычный с виду черный стержень и произнес труднопроизносимое заклинание. Место соприкосновения астролябии и металлического стержня слегка засветилось, затем астролябия увеличилась в размерах в несколько раз и окутала Ши Удуаня, словно зонтик. Она поднялась в воздух и зависла там. Нити звездного шелка, словно лианы, обвилились вокруг руки Ши Удуаня и металлического стержня.

Ши Удуань оглянулся на двор Цзян Хуа, усмехнулся и тихо сказал:

«Старик, когда-нибудь мы снова встретимся!».

«Альфа Урсае Майорис входит в шестой дворец, вперед на три вдоха, рассеянность на месте».

Астролябия, висевшая в воздухе, поднялась еще выше, пока не зависла над верхушками бамбука и скал. Звезды начали вращаться, двигаясь в соответствии с его заклинанием, но иначе, чем движения реальных небесных тел.